

вѣрства и издѣвательства надъ людьми были самымъ обычнымъ явленіемъ. Это называлось невинными шалостями.

И тутъ начинается одинъ изъ безчисленныхъ знаменитыхъ разсказовъ Щепкина, которые всѣ такъ любили слушать, не проронивъ слова, затаивъ дыханіе.

Какой-то чудакъ изъ знатнаго рода построилъ шлагъ-баумъ на проѣзжей дорогѣ. Никто не смѣлъ проѣхать мимо его имѣнія, не явившись къ нему поклониться и представиться. Кто уклонялся, тому самоуправецъ дѣлалъ большой скандалъ, непріятности, наносилъ оскорбленіе.

— А что, папа,—спрашивалъ Щепкина при этомъ его разсказѣ одинъ изъ его сыновей,—скажи, папа, гоголевскіе типы Пѣтуха, Ивана съ Иваномъ Никифоровичемъ, Собакевича—не преувеличенія?

— Какое тамъ преувеличенія!—словно встряхнется въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Щепкинъ: какъ же, помилуйте, задѣли его любимца—самого Гоголя, этого писателя одной сплошной, голой правды!

— Гдѣ тамъ ты нашелъ преувеличенія? Да тамъ слишкомъ скромно, словно изъ боязни передъ упрекомъ въ карриатуризмъ, все выставлено, подернутое какой-то словно дымкой стыдливости. Помѣщицья лѣнь былой старины! какой тамъ старины! Оглянись кругомъ: многое ли изъ того, что у Гоголя изображено, исчезло? Ъда и питье, питье и ѣда, и лежанье, и нагуливанье себѣ животовъ и тройныхъ, четверныхъ подбородковъ—картина, по тому времени, самая обыкновенная. Отъ такой сладкой и сонной жизни одинъ помѣщикъ, какъ сейчасъ помню его,